

Все видели, как Маргарита закатила сцену, все знали, что после приезда супруги Генрих не прикоснулся ни к одной другой женщине, все верили, что король Наварры лишь идёт на уступки жене. Это был совсем не тот результат, которого желала добиться Екатерина, а потому ссоры с дочерью разгорались чаще.

Конечно, делая вид, что он потакает воле супруги, Генрих закатил грандиозный бал. Он и сам скучал по веселью и танцам. Вот только в вечер самого бала, сидя на возвышении в роскошном кресле и наблюдая за танцующими, Генрих вовсе не выглядел весёлым.

После этого бала репутация короля Наварры среди протестантов странным образом возросла. Из уст в уста говорили о том, что молодой король, хоть и не сумел отказать капризам супруги, с горечью смотрел на то, как свита королевы предавалась разгулу и веселью (тот факт, что дворяне-гугеноты развлекались даже пуще католиков, как-то остался незамеченным!). Вот только настоящие мысли Генриха были крайне далеки от бала вообще и его супруги в частности.

Глядя на танцующих женщин, он почему-то не мог выбросить из головы слегка веснушчатое лицо с травянисто-зелёными глазами и яркой улыбкой. Его соратники, которые встречали девочку в Ажене, правильно говорили: "Какая из неё мадемуазель? Ребёнок!". Вот только Генрих уже мог себе представить, какой красавицей она вырастет в будущем. И его довольно бурное воображение с радостью подкинуло не только повзрослевший образ красотки с зелёными глазами, танцующей на сверкающем в свете свечей паркете, но и её светлое тело на шёлковых простынях. И от этих мыслей Анри становилось одновременно сладко и горько.

Тот факт, что на рассвете после бала Генрих Наваррский несколько часов провёл в молитвах в кальвинистской часовне, снова поднял его престиж в глазах гугенотов.

Екатерина, планы которой последние пять или шесть лет рушились один за другим, умчалась в Париж, оставив дочь с Генрихом, в надежде, что тот, не видя грозного противника в её лице, станет более отзывчивым к прекрасной Маргарите.

К сожалению, она ошибалась. Мало того, что Генрих, не получивший облегчения от своих истовых молитв, практически перестал устраивать увеселительные прогулки и мероприятия, так и Маргарита, не имея грозного контролёра в лице матушки, пустилась во все тяжкие. Ссоры супругов случались всё чаще, пока Генрих не принял решение получить то, что ему полагается по праву, то есть, так и не выплаченное за жену приданое. Конечно, Париж отказывался раз за разом, но Наваррский этого уже ожидал.

Как он и предполагал, Колиньи не сумел сдержать порыв Конде, и тот осенью семьдесят девятого решил начать действовать по собственной воле.

Генрих полностью держался в стороне, демонстрируя свою непричастность к делам двоюродного брата. Он сам несколько раз писал письма Конде, чтобы тот сдал занятую им крепость Ла-Фер, но Генрих Конде лишь насмехался над трусостью двоюродного брата, который, по его словам, "только и может, что выпрашивать подачки у католиков".

Хотя статус Генриха Наваррского среди гугенотов был высок, многие также осуждали его за то, что король Наварры ничего не предпринимает, кроме обмена многочисленными письмами.

В феврале восьмидесятого к Наваррскому в замок в Нераке был направлен Филиппо Строцци, чтобы попытаться примирить губернатора и генерального наместника Грани, конфликт между которыми лишь разгорался. Но едва его процессия вошла во двор замка, как итальянец увидел собирающийся отряд и Генриха, поправляющего плащ и перчатки и готовящегося покинуть Нерак. На вопрос удивлённого Строцци, куда собирается Генрих, тот с усмешкой ответил:

- Неужели Вы ещё не в курсе? Католики пытаются взять Сорез. Им это, конечно, не удастся, но раз всё так, я планирую забрать своё!

И, вспрыгнув на коня, он свистнул, и весь отряд поскакал прочь. Только не в Сорез, как думал итальянец, а в Каор.

Положа руку на сердце, сам Генрих хотел атаковать этот город позднее, и лишних войск у него не было, так как король Наварры, следуя письму девчонки с чарующими зелёными глазами, укрепил не только Сорез но и несколько других потенциально слабых крепостей и городов. Однако он посчитал это лучшим временем для атаки. За неделю до атаки на Сорез он приказал нескольким своим верным соратникам собрать силы возле Каора так, чтобы не привлекать внимания, а потом, делая вид, что спешит на помощь Сорезу, он и сам направился к желанному городу.

Прибыв в расположение войск, Генрих первым делом собрал офицеров, чтобы узнать о ситуации.

В первую очередь ему отчитались о состоянии Сореза:

- Город стоит и, я уверен, выстоит. Но если мы промедлим с атакой...

- Войска могут отойти на помощь, - перебил говорящего Генрих. - Готова ли взрывчатка?

- Всё готово, Ваше Величество, но... Вы уверены, что хотите пойти через Новый мост?

- Вы здесь стоите два дня, хотя я просил быть незаметными, не обратить внимания на войско в полторы с лишним тысячи человек может либо слепец, либо полный идиот. Они считают Новый мост практически неуязвимым. Я же хочу доказать, что не существует непреодолимых препятствий! Бывает мало взрывчатки. Действуем по плану. Перед рассветом. Подготовили ряженных?

- Так точно, но их не слишком много...

- Поэтому я и сказал, что действовать будем перед рассветом. Завтра будет туман. А

возможно, и дождь, что было бы нам на руку.

- Не волнуйтесь, Ваше Величество, Я подготовил лучших подрывников! - ударил себя в грудь кампмейстер Шупп.

- Тогда разойтись всем. И отдыхать. Завтра у нас ранний подъём!

* * *

Утро Каора началось с грозы. По крайней мере так подумали полусонные граждане, которые услышали сначала разразившийся дождь, а потом грохот. Никто не придавал этому значения, так как грозы бывали и ранними. Но когда не более чем двадцать минут спустя раздался и второй грохот, во много раз превосходящий первый, в Каоре началась паника. К тому времени, как первые защитники прибыли к опавшим после взрыва створкам Нового моста, улицы уже были наводнены гугенотами.

Ещё страшнее католикам стало от того, что сам Генрих Наваррский шёл впереди войск, уверенно отдавая приказы. Отряд Везена с наспех одевшимися дворянами и парой сотен аркебузирова предпочёл отступить, но наткнулся на отделившуюся группу под предводительством Шуппы, которая зашла им в тыл.

Они могли продержаться до прихода подкрепления, но стражи со стен доложили лидерам одного из отрядов этого самого подкрепления, что на них с другой стороны надвигается ещё большее войско. К тому времени, как туман рассеялся и стало очевидным, что никакого иного войска у Наваррского нет, Генрих с Шуппом продвинулись в центр города. Засевшие в домах, которые Наваррский взял без боя, стрелки, встретили обманутое подкрепление градом выстрелов, оттеснив назад и не дав зайти в тыл Генриху. Основные же силы защитников засели в соборе, который Генрих приказал брать аккуратно.

- То, что мы воюем с католиками, вовсе не означает, что мы должны уничтожать красивую архитектуру и боями и кровью осквернять священные места.

Хотя многие могли с ним не согласиться, позиция Наваррского всегда была известна гугенотам. Он был терпим к верам и конфессиям, уверяя, что верить каждый может в то, что ему ближе, но ни одна вера не оправдывает грешников.

Словно услышав слова Генриха, а может, и действительно услышав их, так как Наваррский стоял прямо на соборной площади, многие католики предпочли сдаться без боя. Таким образом, взятие собора прошло менее кроваво, чем все предполагали изначально.

В это же время Шупп со своими людьми взял баррикаду у ратуши, захватив три орудия и кулеврину, а потом поспешил на помощь Наваррскому. Собор был взят к вечеру, и войска, выставив охрану, решились на отдых.

Офицеры предлагали продолжать бои, ведь ночь отдыха – это отсрочка войскам противника. Но Генрих был непреклонен в своём решении.

– Мои люди устали. Усталость порождает ошибки. Ошибки на войне ведут к смерти. Я не творец, который может создать людей из глины, поэтому должен беречь людей, волею Бога окружавших меня.

Когда все покинули комнату епископа, которую в эту ночь занял Генрих, мужчина привёл себя в порядок и устроился на кровати. Подтянув к себе брошенный по другую сторону плащ, он вытащил маленькую шкатулочку, открыв которую, увидел небольшой искусственный цветок, который почти восемь лет назад подарила ему маленькая зеленоглазая девочка.

Прошло два года с их второй встречи, а её зелёные глаза не выходили из головы Генриха. Он не забыл о просьбе Корентайн, подобрав ей человека, которому она могла полностью доверять.

Дени Перро. Мелкий дворянин, истовый гугенот. Несмотря на свою фанатичность в вере, пережив ночь с двадцать третьего на двадцать четвёртое августа, он поклялся отплатить за своё спасение. Когда же Генрих два года назад вызвал его к себе и сообщил, кому именно он обязан спасению, уже не такой молодой и истовый гугенот преклонил колени перед ним и попросил у своего лидера и короля разрешения служить этой маленькой католичке.

Генриху вспомнился тот разговор.

<http://tl.rulate.ru/book/3457/83424>